

Разбомбили наш дом

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

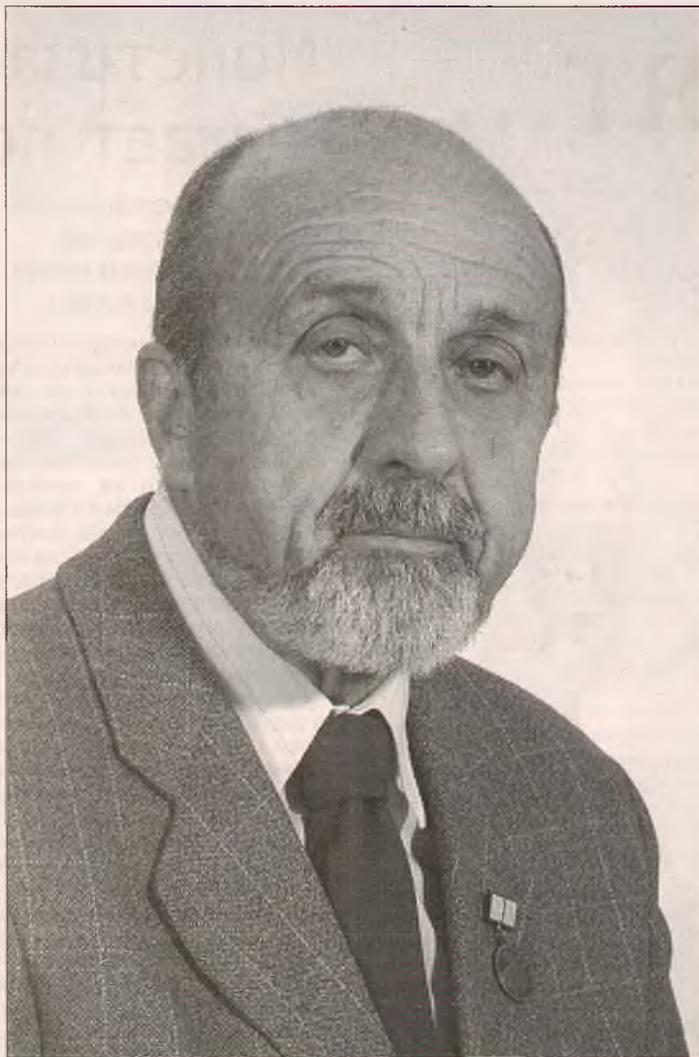
Имя Владимира Ильича Жельвиса, профессора педагогического университета имени Ушинского, культуролога, хорошо известно читателям «Северного края»: Владимир Ильич является одним из авторов рубрики «Переключаем каналы». В его творческом активе – около ста научных статей, книга «Поле брани», написанная на материалах докторской диссертации и выдержавшая уже два издания, путеводитель «Прогулки по Ярославлю», иронические заметки об особенностях русского характера «Эти странные русские» – книга дважды вышла в Лондоне (на английском языке) и единожды (в авторском переводе на русский) в Москве. Безусловно, это далеко не все литературные и научные достижения профессора Жельвиса, однако в контексте данного повествования нас интересует литература совсем иного жанра – мемуарного.

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО, ДАЖЕ ИМЯ

Надо отметить, что первые шестнадцать лет своей жизни Владимир Ильич (в то время, конечно, еще просто Володя) прожил совсем под другой фамилией – Хаинсон. Отец Володи, Илья Борисович Хаинсон, был из небогатой еврейской семьи. Он принадлежал к тому классу, который позже большевики называли рабочей аристократией, то есть не пил, не курил и был на хорошем счету у начальства. Что очень не нравилось его товарищам по работе (Илья Борисович трудился сначала слесарем-лекальщиком, потом начальником участка на заводе), так что ему иногда приходилось скрывать количество изготовленных им деталей, прятать их, чтобы «не высовываться».

Фамилия Жельвис принадлежала матери Володи, Александре Ивановне, всю жизнь проработавшей в системе «Ленэнерго».

И вот когда Володе пришло время получать паспорт, на семейном совете было принято решение записать его Жельвисом. Резоны были такие: отца давно нет (он погиб на фронте в 42-м), а антисемитизм в стране достиг весьма высоких пределов. В последние годы жизни Сталина, как известно, даже шла речь о высылке всех евреев из крупных городов на Дальний Восток. Официально это не декларировалось, но сгущающуюся атмосферу было трудно не заметить. Сложность заключалась в другом – в национальности. Бабушка Маня по маминной линии была белорусской католичкой и всю жизнь по этому поводу комплексовала: «настоящие католики» должны быть поляками. Поэтому и дочь свою, маму Володи, записала в документах как

польку, хотя фамилия Жельвис литовского происхождения. А поляки – это уже «заграница», и быть поляком – тоже не сахар, юноша это ощутил довольно скоро. Но все-таки польский хрен поначалу казался слаще еврейской редьки, и Володя в одночасье поменял и национальность, и фамилию, став поляком Жельвисом. Поначалу

в школе переименование произвело фурор, но вскоре все привыкли... Сам же Владимир Ильич безоговорочно считает себя русским: «Мой родной язык русский, я воспитан на русской культуре, все мои друзья были русскими, русская природа мне ближе всех других».

КАЛЕЙДОСКОП

Человеческая память вообще, а детская в особенности причудлива. Отчего отчетливо запомнились те, а не иные события? Кто ж нам ответит на этот вопрос? Вот и вспоминация маленького Володи, отно-

рых варился асфальт. Всплывают отдельные эпизоды из жизни детского сада, который мальчик терпеть не мог и вечно оттуда убегал домой, из-за чего происходили скандалы, и в конце концов мать была вынуждена сына из детского сада забрать. Помнится почему-то, как родители сообщили сыну о смерти Горького. Володе было тогда лет пять. Личных переживаний по этому поводу он испытывать не мог, но, очевидно, смерть пролетарского писателя очень переживалась в Ленинграде...

МЕНЯЮ КНИГИ НА ДУРАНДУ

Война запомнилась отчетливо. Первый день, 22 июня, Володя встретил на даче, где видел воздушный бой и падающие бомбы. Все это осталось в памяти так картинно, что до сих пор Владимира Ильича гложут сомнения, видел ли он это на самом деле или много позже дополнил детские воспоминания за счет кадров кинохроники. Склоняется к тому, что все-таки видел: «Я, ребенок, стоял и смотрел и нисколько не боялся, потому что ничего не понимал и воспринимал все это как живые картинки».

Ленинград очень скоро оказался фронтовым городом. Началась паника, все бросились скапать продукты, хотя сам Сталин сказал: «Эта драчка продлится год-полгода, а может быть, полтора». Эти слова позже были изъятые из всех источников, но тогда им, естественно, верили. «Помню, как мы с отцом и матерью шли по улице, нагруженные пакетами с провизией, и увидели на панели большой кусок колотого сахара, который кто-то уронил. Отец спросил: поднять или нет? По-моему, мы решили не поднимать: ведь война продлится недолго, как-нибудь переедемся. Этот кусок сахара часто потом вставал перед глазами...»

Невероятно, но на Новый, 1942 год Володя с братом получили приглашение на елку. Организаторы были настоящими героями. Мальчики отправились на праздник одни, без взрослых. «Я совершенно не помню, что там происходило, кроме того, что нам дали пакетики с подарками. В нем были печенюшка, конфетка и, кажется, какой-то один сухофрукт».

От артобстрелов семья спасалась обычно в бомбоубежище, расположенном близ дома. «Однажды наши прожектора засекли в перекрестье лучей вражеский самолет. Тот, пытаясь вырваться из ловушки, сбросил бомбы куда попало. И

это «куда попало» оказалось вокруг нашего дома. Помню страшный грохот, звон вылетающих стекол, крики и плач женщин и детей». Именно тогда Володя решил начать вести дневник. Запомнилась первая придуманная фраза, которая показалась начинающему литератору очень удачной: «Черт! Разбомбили наш дом!» Потом тетрадка потерялась, Володя завел новую и снова начал ее теми же словами. Дальнейшие записи ускользают из памяти – очевидно, желание быть летописцем быстро пропало.

А город умирал. Детская память запечатлела объявления на дверях закрытых магазинов: «Меняю книги на дуранду». Так назывался в Ленинграде выбой – сухие выжимки из подсолнечных зерен. Дуранда заменяла хлеб и служила плачевным средством.

Однажды соседка по дому, уже предчувствуя собственную смерть, позвала маленького Володю в гости и накормила тогдашним деликатесом – желе из столярного клея с лавровым листом. Клей был безвкусный, но питательный, потому что делался из рогов и копыт животных.

Еще один стоп-кадр, поднимающийся со дна воспоминаний, – огромные гилянды нечистот, свисающие от последнего этажа до первого: у жильцов не было сил выносить помои и экскременты, и их просто вываливали за окно.

«Как ни странно, у людей сохранялось чувство юмора. Однажды прямо посередине Кировского моста остановился трамвай. Кондуктор приказала всем выходить. Была зима, метель, уже свирепствовал голод. Выходить никому не хотелось, все тупо сидели и чего-то ждали. «Вылезайте!» – кричала кондуктор. Все сидели. «Вылезайте! Вылезайте, астуканы!» И тут кто-то негромко сказал: «Ну, раз «астуканы», надо вылезать». И все покорно полезли наружу и побрели по мосту».

ЭВАКУАЦИЯ И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

В феврале 1942 года маме чудом удалось попасть в отряд эвакуирующихся. Решено было ехать на родину няни, в русское село Елово, что в Удмуртии. Так начался новый этап жизни.

Володя немного работал в колхозе, пытался ездить на лошади. Получалось очень плохо, лошадей городской подросток боялся, и деревенские мальчишки потешались над

ним. Жилось неважно, но не голодно. Весной ходили на Вятский тракт, где росли старые березы, делали зарубки и через соломинку высасывали березовый сок. Летом собирали съедобную траву – зародыши хвоща – и подмешивали ее в муку. Вокруг росло немало грибов и ягод.

В селе не было электричества. Изредка приезжала киноустановка, и механик разрешал мальчишкам смотреть кино без билета, если они соглашались по очереди крутить динамо-машину. Кинофильмы

Владимир Жельвис в студенческие годы.

были немые с титрами на русском и удмуртском языках. «Помню, как в фильме о Ленине царские сыщики описывали внешность вождя: по-русски подписано «лысина», а ниже по-удмуртски, тоже кириллицей, – «плешь». Кино пользовалось бешеным успехом, все скамейки в клубе были обычно заняты».

События на фронте постепенно складывались в нашу пользу. Была прорвана блокада, и уже в 1944 году семья решила вернуться домой, в Ленинград.

После окончания школы стало ясно: точные науки – не Володина стезя. И он поступил в Ленинградский педагогический институт иностранных языков, где и провел на английском факультете пять вполне благополучных лет, получая именную, сталинскую стипендию...

«А дальше?» – спросите вы. А это – уже совсем другая история. Отмечу лишь то обстоятельство, что именно в вузе Владимир Ильич пристратился к журналистике, что в конце концов и послужило поводом для нашего с ним знакомства.

Лариса ДРАЧ.